

СПАСИТЕЛЬ.

Спасение—вотъ слово, которое чаще всего слышалось въ послѣдніе дохристiанскіе дни, какъ въ іудействѣ, такъ и въ языческомъ мірѣ. Въ то время, какъ, въ языческомъ мірѣ на яркомъ фонѣ нравственнаго отчаянія и плотскаго растлѣнія желанное спасеніе рисовалось неопредѣленными, неуловимыми чертами и взоры язычниковъ обращались къ Востоку,—іудеямъ, таившимъ въ себѣ грядущее спасеніе—*ἡ σωτηρία ἐκ τῶν ἰουδαίων ἐστίν*¹⁾, оно представлялось въ опредѣленномъ видѣ: они ждали спасенія какъ національно-теократическаго блага на основѣ законнической праведности и въ рамкѣ трансцендентно-эсхатологической катастрофы²⁾.

Евангеліе вплелось въ эту канву сотериологическихъ ожиданій человѣчества, облеклось въ языкъ іудейскихъ чаяній: оно принесло спасеніе міру, спасеніе всему погибшему³⁾.

Однако самое примѣчательное въ евангельской сотериологiи то, что она, отвѣчая наличнымъ религіознымъ нуждамъ человѣчества, въ существенномъ содержаніи своемъ истекаетъ изъ совершенно новаго и творчески-самобытнаго факта богосыновней жизни Христа, открытаго Имъ внутренняго блага вѣчной жизни. Опираясь въ своей периферіи на эмпирическое сознаніе людей и возвѣщая прошеніе грѣшникамъ, успокоеніе обремененнымъ, свободу плѣннымъ, евангеліе главное основаніе для идеи спасенія находитъ не въ этой наличной нуждѣ человѣческой, а въ томъ новомъ

* 1) Іоан. IV, 22.

2) Ср. Лук. I, 69. 71, 77.

3) Лук. IX, 56; XIX, 10; Мѣ. XVШ, 11; Іоан. XII, 47

благѣ вѣчной жизни, которое впервые открылось во Христѣ. Подлинно погибшимъ и мертвымъ оно считаетъ міръ съ высоты той новой духовной жизни, которую Христосъ принесъ въ міръ въ Своемъ лицѣ, въ Своемъ личномъ опытѣ. Поэтому евангельское спасеніе не только скрываетъ въ себѣ и судъ міру, но вмѣстѣ съ тѣмъ вся евангельская сотериологія, до послѣдняго пункта, включена въ самосознаніе Христа, изъ него одного вся она вытекаетъ. Все евангельское ученіе о спасеніи сводится къ ученію о Спасителѣ, а все евангельское ученіе о Христѣ-Спасителѣ есть лишь раскрытіе Его самосознанія. Христіанство есть всецѣло дѣло Христа, коренится въ Его личномъ творествѣ,—и все Его дѣло имманентно выходитъ изъ Его интимнаго отношенія къ Своему Отцу Небесному. Съ этой стороны цѣлая бездна отдѣляетъ евангеліе отъ іудейской сотериологіи, въ которой Мессія занималъ второстепенное мѣсто и являлся исполнителемъ внѣшне-опредѣленныхъ, или предуказанныхъ, задачъ, внѣшне-опредѣленнаго дѣла. Напротивъ, въ христіанствѣ Христосъ-Спаситель имѣетъ центральное значеніе, и все Его дѣло коренится въ Его личномъ религіозномъ опытѣ, вся евангельская сотериологія имѣетъ внутреннее содержаніе, имманентную опредѣленность,—ничего она не принимаетъ отъ внѣ, въ существенномъ не осложняется ничѣмъ эмпирическимъ. Легко видѣть, что іудейская народно-теократическая сотериологія съ ея законническою основою и трансцендентно-эсхатологическою рамкою оказывается внѣшнею для евангелія, и въ ея образы евангеліе влагаетъ новое содержаніе.

Переходомъ отъ іудейской мессіологіи къ евангелію и ближайшею схемою для евангельской сотериологіи можетъ служить іудейская система мессіанскихъ именованій, получающихъ въ новозавѣтномъ ученіи о спасеніи первенствующее значеніе, поскольку все спасеніе въ евангеліи оказывается личнымъ дѣломъ Спасителя. Іудейскія именованія Мессіи съ евангельской точки зрѣнія распадаются на три отдѣла. На первомъ мѣстѣ нужно указать отношеніе новозавѣтнаго Учителя къ имени Мессія-Христосъ, которое было въ устахъ іудеевъ самымъ общимъ и самымъ употребительнымъ наименованіемъ ожидаемаго ими Спасителя ¹⁾. Это

¹⁾ Мѡ. XII, 23; XXVI, 63. 68; Мр XIV, 61; Лук. II, 26 и мн. др

имя не связывалось преимущественно съ какою-нибудь одною стороною мессіанскихъ чаяній іудейства, обнимая всю ихъ полноту. Этимъ объясняется отношеніе Иисуса къ нему. Онъ усвоялъ Себѣ это имя, считалъ его *Своимъ* именемъ, „называлъ“ Себя Христомъ, но не связывалъ съ нимъ никакого новаго понятія ¹⁾. Онъ прилагалъ къ Себѣ это имя въ іудейскомъ смыслѣ, однако Его отношеніе къ другимъ мессіанскимъ именамъ показываетъ, что Онъ *не былъ* Мессіей въ іудейскомъ смыслѣ. Слѣдовательно, называя Себя Мессіей-Христомъ, Онъ принималъ на Себя дѣло іудейскаго Мессіи, бралъ на Себя это званіе и тѣмъ самымъ говорилъ всѣмъ, ожидавшимъ мессіанскаго спасенія, что только Онъ одинъ можетъ быть Мессіей, чтобы они никакого другого Мессіи не ждали, что всѣ приходившіе предъ Нимъ суть воруы и разбойники и грядущіе по Немъ суть лжехристы и обманщики ²⁾, вслѣдствіе чего становилось неизбѣжнымъ и единственно возможнымъ признавать тотъ путь спасенія, который указывается въ евангеліи и уясняется въ примѣненіи къ другимъ мессіанскимъ именованіямъ. Нужно предположить, что въ глубочайшемъ мистическомъ смыслѣ Иисусъ на самомъ дѣлѣ былъ Мессіей, что въ глубинѣ Его самознанія была сопряженность съ творческимъ и историческимъ откровеніемъ Иеговы ³⁾, что Онъ могъ только къ Себѣ относить все предначертанное въ Писаніи ⁴⁾; тѣмъ не менѣе въ рационально-историческомъ смыслѣ іудейскаго словоупотребленія и іудейскихъ ожиданій Онъ не былъ Мессіей, идея духовнаго евангельскаго спасенія является совершенно новою въ исторіи іудейской религіи, новымъ и притомъ личнымъ откровеніемъ Иисуса, такъ что въ рационально-историческомъ смыслѣ Онъ былъ „называемый Христомъ“— „Иисусъ, называемый Христомъ“—*Ἰησοῦς ὁ λεγόμενος Χριστός* ⁵⁾. Это имя было въ устахъ Христа общимъ обозначеніемъ Его лица и Его дѣла, но для насъ содержаніе Его самосо-

¹⁾ Мѡ. XVI, 16 (по снесенію съ ст. 17) пар. (ср. Іоан. VI, 69; XI, 27); Іоан. IV, 25 26 (ср. 42); Мѡ. XXIII, 8. 10; XXIV, 5 (ср. 23) пар. Іоан. XVII, 3; Мѡ. XXVI, 63 64 пар. Лук. XXIII, 2; XXIV, 26 46.

²⁾ Іоан. X, 8; Мѡ. XXIV, 5. 23 пар.

³⁾ Ср. Іоан. XVII, 5

⁴⁾ Лук. XXIV, 44.

⁵⁾ Мѡ. I, 16; XXVII, 17 22.

знанія и характеръ Его дѣла указываетъ не этимъ именемъ, не прошлымъ Его употребленіемъ въ ветхозавѣтно-іудейской исторіи, а послѣдующимъ содержаніемъ евангелія, связаннымъ съ другими мессіанскими именами.

Вторую группу мессіанскихъ именъ съ евангельской точки зрѣнія составляютъ имена „сынъ Давидовъ“ и „царь Израилевъ“, обозначающія преимущественно національно-теократическую сторону іудейской сотеріологии. Имя „сынъ Давидовъ“, предопредѣлявшее для Мессіи задачу возстановить „престоль Давида, отца Его, и царствовать надъ домомъ Іакова во вѣки“ ¹⁾, было, повидимому, весьма популярнымъ ²⁾. И что въ устахъ іудейскаго народа это былъ не простой титулъ, но съ нимъ связывались яркія національно-политическія мечтанія, это видно изъ попытокъ народа „взять Іисуса и сдѣлать царемъ“ ³⁾ и изъ восторженной встрѣчи, устроенной Ему при входѣ въ Іерусалимъ. Намъ извѣстно отношеніе Христа къ этому мессіанскому именованію и къ соединеннымъ съ нимъ политическимъ ожиданіямъ. Вслѣдъ за торжественными привѣтствіями народа при входѣ въ Іерусалимъ, Христосъ имѣлъ съ фарисеями знаменательную бесѣду, въ которой Онъ разъяснилъ, что духовный Мессія не можетъ быть сыномъ Давида, такъ какъ Онъ является его господомъ ⁴⁾; такимъ образомъ были разъединены именованія Христосъ и сынъ Давидовъ, т. е. былъ устраненъ національно-политическій характеръ отъ евангельскаго мессіанства. И это несмотря на то, что Христосъ благовѣствовалъ наступленіе царства Божія и называлъ Себя царемъ этого царства, какъ это открывается изъ многихъ евангельскихъ притчей ⁵⁾. Однако мы знаемъ изъ евангельскаго ученія о вѣчной жизни, что никакія черты мірскаго царства не могутъ имѣть мѣста въ обществѣ Его учениковъ ⁶⁾. Царство, подобно пиршеству, свѣту, является въ евангеліи ⁷⁾ лишь символомъ духовныхъ благъ. Отрекаясь отъ именова-

1) Лук. I, 32. 33.

2) Мѣ IX, 27; XII, 23; XV, 22; XX, 31 пар. XXI, 9. 15 (ср. Мр. XI, 10).

3) Іоан. VI, 14—15

4) Мѣ. XXII, 41—46

5) Мѣ. XVIII, 23; XXII, 2; Лук XIX, 12 Ср. Мѣ XXV, 34. 40

6) Ср. Мѣ. IV, 8—10 пар

7) Мѣ. XVI, 28; Лук. XXII, 30.

нія „сыномъ Давида“, Христось рѣшительно отклонялъ отъ Своего духовнаго царствія всякое подобіе царствованію мірскому, земному, языческому. Его царство—не отъ міра сего. Онъ называетъ Себя царемъ въ единственномъ смыслѣ обладателя и проповѣдника истины ¹⁾. Итакъ Христось, отклоняя именованіе „сынъ Давидовъ“, устранялъ національно-политическія цѣли изъ Своего дѣла; Онъ именовалъ Себя образно царемъ только потому, что іудеи въ лицѣ Мессіи ждали царя, и только для того, чтобы свести политическіе помыслы Израиля къ благамъ царства небснаго. Потому-то и была сильна ненависть іудеевъ къ Нему, какъ къ „царю іудейскому“.

Третью группу составляютъ іудейскія названія Мессіи „Сынъ Божій“ и „Сынъ человѣческій“, рѣшительно усвоенныя Христомъ съ новымъ, вложеннымъ въ нихъ, смысломъ. Изъ нихъ именемъ „Сынъ Божій“ обозначается внутренняя личная жизнь Христа, Его интимное отношеніе къ Отцу Небесному, а имя „Сынъ человѣческій“ обнимаетъ Его историческое дѣло, Его спасительное служеніе роду человѣческому.

О богосыновствѣ зналъ и языческій міръ и іудейскій. Язычники подъ сынами Божіими разумѣли физически-рожденныхъ богами, преимущественно рожденныхъ отъ брачнаго сожитія боговъ съ человѣческими матерями. Такія физическія представленія о богахъ были противны монотеистическому возрѣнію іудеевъ. На ветхозавѣтномъ языкѣ богосыновство служитъ образомъ для выраженія промыслительныхъ отношеній Бога къ человѣку, для выраженія внѣшняго отношенія богоизбранности и небснаго благоволенія. Въ позднѣйшемъ іудействѣ эта богоизбранность Сына Божія получила персонально-мессіанскую опредѣленность. Въ этомъ смыслѣ часто встрѣчается имя Сынъ Божій и въ евангельской исторіи, въ примѣненіи ко Христу, въ обращеніяхъ къ Нему съ неба ²⁾, отъ людей и отъ нечистыхъ духовъ ³⁾. Евангелію, какъ и Ветхому Завѣту,

1) Іоан. XVIII, 36. 37.

2) Мѡ. III, 17 пар XVII, 5 пар

3) Мѡ. IV, 3. 6 пар. Мр III, 11; Лук. IV, 41; Мѡ. VIII, 29 пар. (=Лук. IV, 41 Христось); Іоан. I, 49; VI, 69; XI, 27; Мѡ. XIV, 33; XVI, 16 (=Мр. VIII, 29; Лук. IX, 20 Христось); Мѡ. XXVI; Мр. XIV, 61; Лук. XXI, 70 (=67

чуждо языческо-физическое понятіе богосыновства, и ученіе Христа о богосыновствѣ исходнымъ пунктомъ имѣетъ ветхозавѣтно-іудейскія представленія. Но Христось не останавливается и на послѣднихъ. Черезъ толщу религиозныхъ надеждъ на богоизбранничество Онъ ведетъ къ идеѣ богосыновства, какъ духовнаго рожденія отъ Бога, духовнаго родства съ Нимъ, фактическаго обладанія божественною жизнью, реального откровенія Бога въ человѣческой жизни. Для вопроса объ отношеніи евангельскаго богосыновства къ ветхозавѣтной идеѣ богоизбранничества рѣшающее значеніе имѣетъ исторія искушеній Христа въ пустынь. Испытанія Христа проистекали изъ ветхозавѣтной идеи богосыновства, какъ идеи небеснаго видимаго благоволенія къ человѣку, какъ идеи мессіанско-теократической,—и они были отклонены Христомъ во имя духовно-реального общенія человѣка съ Богомъ. Евангельское богосыновство состоитъ въ реальномъ переживаніи человѣкомъ божественной абсолютной любви, въ дѣйствительномъ обладаніи свободою этического антропоцентризма и блаженствомъ вѣчной жизни. Въ системѣ евангельскихъ терминовъ богосыновство выступаетъ наименѣе отвлеченнымъ и образнымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ по опытной основѣ, наиболѣе богатымъ по реальному содержанію. Въ этомъ пунктѣ евангельское ученіе совпадаетъ съ внутреннимъ опытомъ Христа, открывшимся въ исторической жизни человѣчества. Идея богосыновства даетъ основное содержаніе всему евангелію, и она раскрывается въ евангельскомъ ученіи о Боготечествѣ, о духовной праведности и о вѣчной жизни. Поскольку богосыновство Христа съ своей существенной стороны усвоется всѣми вѣрующими, и ученіе о богосыновствѣ по его духовному содержанію открывается во всемъ евангельскомъ ученіи; постольку ученіе о богосыновствѣ, входя въ составъ ученія Христа о Своемъ лицѣ, не исчерпываетъ евангельской христологіи. Евангельская христологія, предполагая ученіе о богосыновствѣ, имѣетъ своимъ собственнымъ содержаніемъ индивидуальныя особенности Христова богосыновства: она есть ученіе Христа о Себѣ

Христось); Мѣ XXVII, 40. 43 (=Мр. XV, 32 Христось и Лук. XXIII, 35 Христось, избранный Божій); Мѣ XXVII, 54 (=Лук. XXIII, 47 праведникъ).

не какъ объ *υἱὸς θεοῦ*, а какъ объ *ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ*, не какъ объ одномъ изъ сыновъ, а какъ о едиnorodномъ Сынѣ Божіемъ ¹⁾. Что этому учитъ евангеліе, противъ этого трудно возражать. Христосъ говорилъ о Себѣ, что Онъ сошелъ съ неба, отъ Бога исшелъ, отъ Отца исшелъ и пришелъ въ міръ ²⁾; Онъ называлъ Себя шедшимъ съ небесъ, Сыномъ человѣческимъ, сущимъ на небесахъ ³⁾. И хотя нельзя отрицать того, что эта фразеологія составляетъ особенность четвертаго евангелія; тѣмъ не менѣе существенный смыслъ этихъ изреченій глубоко заложенъ во всемъ содержаніи евангельскаго ученія. Если бы этихъ изреченій не было въ евангеліи, выражающаяся въ нихъ основная мысль составила бы необходимый выводъ изъ данныхъ евангельскаго ученія. Для евангелія существенно и неотъемлемо понятіе новаго откровенія, новаго опыта божественныхъ переживаній. Вѣчная жизнь, превышая природно-эволюціонныя границы мірской жизни, представляетъ изъ себя насажденіе Отца Небеснаго, вѣяніе Его духа. Новизна евангелія не въ словѣ, не въ одномъ словѣ, но въ реальности небывалыхъ переживаній, начавшихся во Христѣ. Это создаетъ исключительное всемірное значеніе евангелія не только въ отличіе отъ философскихъ ученій, но и отъ другихъ религій. Евангеліе въ этомъ отношеніи отлично отъ китайской религіи, которая даже въ ученіи мудрецовъ остается вполнѣ на народно-традиціонной основѣ; оно отлично и отъ буддизма, въ которомъ небывалое дано лишь въ личномъ прозрѣніи, въ теоретическомъ уразумѣніи истины, почему и неизбѣжна здѣсь пустота отрицательнаго результата. Не говоримъ уже объ отвлеченности религіозной философіи классическихъ народовъ. Напротивъ, новизна евангелія въ реальности духовнаго переживанія. Если бы евангеліе не имѣло подъ собою новаго факта духовной жизни, его значеніе поблѣднѣло бы до послѣдней степени. Теоретическое ученіе о богосыновствѣ человѣка имѣетъ слишкомъ ничтожную цѣнность. Евангеліе ниспало бы ниже всякаго иного творчества, религіознаго или эстетическаго. Оно не имѣло бы силы, равной

1) Іоан III, 16 18

2) Іоан. VI, 38; VIII, 42; XV, 28.

3) Іоан. III, 13 ср. III, 17; VIII, 58; XVII, 5.

природно-стихийному воодушевленію, которое въ христіанствѣ замѣняется духовною реальностью. Все заставляетъ насъ понять дѣло Христа не какъ теоретическое измышленіе, а какъ живое творчество, живое откровеніе Отца Небеснаго. Если богосыновство по существу есть рожденіе отъ Отца, новое „духовное“ теченіе наряду съ природно-историческимъ развитіемъ, то началоположникъ духовной жизни могъ быть лишь перворожденнымъ отъ Отца. Его природно-историческое отличіе отъ послѣдующихъ сыновъ въ томъ, что Онъ рожденный отъ Отца, тогда какъ они возрожденные. И это опирается на твердые факты евангельской исторіи. Въ Немъ богосыновнее самосознаніе было непосредственно даннымъ, а не логическимъ выводомъ. Онъ такимъ родился, а не то, что постепенно пришелъ къ убѣжденію въ Своемъ богосыновствѣ. Затѣмъ, въ Немъ богосыновнее самосознаніе было всецѣлымъ и достаточнымъ основаніемъ сознательной жизнедѣятельности: вся Его жизнь опредѣлялась этимъ самосознаніемъ, Онъ былъ только Сынъ Божій. Это единственно возможно обобщить въ признаніи, что въ Немъ богосыновнее самосознаніе было природнымъ, что Онъ былъ Сыномъ Божиимъ отъ природы, т. е. отъ рожденія,—Онъ былъ духовно-рожденнымъ отъ природы.

Мы сошли бы съ почвы религіозной мысли, если бы признали возможнымъ исчерпать тайну Христова богосыновства и замѣнить ее какою-нибудь отвлеченною формулою. Но мы укажемъ только на фактъ евангельской исторіи, равносильный приведеннымъ соображеніямъ о богосыновствѣ Христа, если скажемъ, что Христось, выступая на дѣло проповѣди, приходя въ міръ—*ἐρχόμενος εἰς τὸν κόσμον* ¹⁾, сознавалъ Себя исшедшимъ отъ Отца и одинокимъ въ мірѣ ²⁾. Идея антропоцентризма, заключающаяся въ сущности богосыновства, осложнялась во Христѣ тою историческою особенностью, что Онъ пришелъ въ міръ въ качествѣ единаго Сына Божія. Въ этой природно-исторической особенности богосыновства Христова дана полная основа всего дѣла спасенія—его идея, мотивы и способъ совершенія.

Христось пришелъ Спасителемъ міра ³⁾ и видѣлъ въ спасе-

1) Иоан. I, 9; XI, 27; XVI, 28

2) Иоан. VIII, 16. 29; XVI, 32.

3) Иоан. XII, 47; Лук. IX, 56, XIX, 10; Мѡ. XVIII, 11 ср. Мр. XVI, 16.

ни душъ Свое призваніе, потому что Онъ носилъ въ Себѣ духовныя блага божественной вѣчной жизни, въ сравненіи съ которой всѣ мірскія блага оказываются ничтожными и съ высоты которой все мірское существованіе является мертвымъ прозябаніемъ. Все Его спасительное значеніе основывается на Его богосыновствѣ. Какъ Сынъ, Онъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ и обладаетъ полною свободою и знаніемъ ¹⁾,—и Онъ оживляетъ людей, даетъ имъ свободу, дѣлаетъ ихъ сынами свѣта. Только отъ Него люди могли принять блага истинной жизни, только чрезъ Него могли они придти къ Отцу Небесному, Онъ былъ для нихъ единственнымъ путемъ, истиною и жизнью ²⁾. Въ этомъ имѣютъ твердую опору и достаточное объясненіе всѣ рѣчи Христа о единственномъ, несравнимомъ положеніи Своего лица во всемірной исторіи, въ универсальныхъ отношеніяхъ чело-вѣчества къ Богу ³⁾.

Далѣе. Сотеріологическіе мотивы также во всеобъемлющей полнотѣ коренятся въ богосыновнемъ самосознаніи Христа. Они даны въ богосыновней любви, въ Божіей любви Сына ко всему міру ⁴⁾. Кто чувствовалъ въ Себѣ сына-наслѣдника, посланнаго въ виноградникъ Отца, Тотъ всю Свою задачу, все Свое дѣло носилъ въ глубинѣ Своего сердца. Онъ зналъ, что „должно было“ Ему дѣлать ⁵⁾, не какъ рабъ, не какъ ученикъ, а какъ сынъ, волящій одинаково съ Отцомъ ⁶⁾. Вѣчная божественная жизнь, наполняющаяся абсолютною любовью, сама въ себѣ имѣетъ начало самосообщенія, раскрытія, расширенія, обнаруженія. И для этого она не

¹⁾ Иоан. V, 26; VIII, 36; Мѣ. XI, 27 пар. XVII, 26.

²⁾ Иоан. III, 15. 16; V, 21. 25; VI, 33. 35 48. 53; VIII, 32. 36; X, 9; XII, 36; XIV, 6 и др.

³⁾ Мѣ. X, 37—39 пар. Иоан. V, 23; XV, 4 сл. и др. Все это до такой степени ясно съ евангельской точки зрѣнія, съ такою неизбежностью дано въ сущности богосыновства, богосыновняго самосознанія, что всѣ эти Штраусы и Ренаны не понимаютъ евангелія не по силѣ своего отрицанія, а по изумительному безсилію своего мѣщанскаго кругозора. Просто въ ихъ пошлыхъ сердцахъ нѣтъ точки опоры для пониманія религіозно-эпического антропоцентризма и имъ остается одна возможность—пустословить о всякихъ случайныхъ комбинаціяхъ и принятыхъ роляхъ.

⁴⁾ Иоан. III, 16; X, 11. 17; XV, 10. 13 и др.

⁵⁾ Мѣ. XVI, 21 пар. и др.

⁶⁾ Иоан. IV, 34; V, 30; VII, 18; VIII, 29

нуждается ни въ какомъ внѣшнемъ толчкѣ, кромѣ обращающей любовь въ жалость наличности бѣдствующаго міра, погибающихъ душъ, разбѣянныхъ овецъ,—не нуждается во внѣшнемъ убѣжденіи, въ начертанныхъ планахъ, ни въ какихъ внѣшнихъ указаніяхъ.

Наконецъ, способъ совершенія дѣла спасенія, съ простою математическаго равенства, выросъ изъ основного содержанія духовнаго богосыновства. Дѣло Сына Божія въ отношеніи къ міру несравнимо ни съ какимъ другимъ призваніемъ, какъ мірскимъ, такъ и религіознымъ, по своей абсолютной простотѣ, по самодовлѣмости внутреннихъ основаній: единственное дѣло Сына Божія, реально обладающаго благомъ вѣчной жизни, въ томъ, чтобы передать людямъ Свою вѣчную избыточествующую жизнь, оживотворить ихъ богосыновнимъ самосознаніемъ, даровать имъ богосыновнюю свободу, сдѣлать ихъ сынами Отца Небеснаго ¹⁾. Абсолютность ведетъ только къ абсолютности, свобода къ свободѣ и жизнь къ жизни: отношенія богосыновней любви равняются ея собственной сущности. Пшеничное зерно духовной жизни, не умирая для плода, не умирая за другихъ, остается одинокимъ и засыхаетъ: полнота его собственной жизни въ томъ, чтобы отдать себя другимъ, перейти въ плодъ ²⁾. Блаженство любви въ томъ, чтобы отдавать себя, жертвовать собою ³⁾; высшая степень любви въ томъ, чтобы полагать душу свою за друзей ⁴⁾. И это даже съ крайнихъ сторонъ религіозной объективности, поскольку Отецъ любитъ Сына потому, что Онъ полагаетъ душу Свою за людей ⁵⁾. Всѣ блага богосыновства реализуются и вѣнчаются въ самопожертвованіи, такъ что и единственное призваніе и неизбѣжное дѣло для Сына—всецѣло передать Себя людямъ, быть хлѣбомъ Божиимъ для міра, хлѣбомъ жизни, отдать плоть и кровь Свою за жизнь міра ⁶⁾. Ни одинъ пунктъ евангельскаго ученія не выраженъ съ такою рельефностью, какъ этотъ. Одно такое изреченіе, обозначающее задачу

¹⁾ Иоан. V, 21; VI, 57; X, 10.

²⁾ Иоан. XII, 24, 25.

³⁾ Дѣян. XX, 35.

⁴⁾ Иоан. XV, 13.

⁵⁾ Иоан. X, 17.

⁶⁾ Иоан. VI

Сына Божія, какъ: сѣять сыновъ царствія, сыновъ Божіихъ ¹⁾, или: сѣждающій Меня будетъ жить Мною ²⁾, изреченія, глубоко коренящіяся во всемъ евангеліи, показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ религіознымъ творчествомъ, бьющимъ изъ недостигаемой глубины реальной духовной жизни, съ религіозною правдою, открывающею дѣйствительное переживаніе. Всѣ другія части евангельской сотеріологіи, всѣ другіе элементы Христова дѣла концентрируются около этого основного ядра и осложняютъ его только периферически, въ мѣру соприкосновенія съ наличною историческою жизнью, ничего не прибавляя къ его существу. Такъ Христосъ былъ учителемъ, свидѣтельствовалъ истину и просвѣщалъ міръ ³⁾. Но все Его ученіе имѣло Своимъ единственнымъ предметомъ вѣчную жизнь, Онъ училъ единственно тому, какъ человѣку стать сыномъ Божіимъ: Его ученіе не содержитъ ни одного гностическаго элемента, не имѣетъ никакой гностической сложности. Онъ былъ законодатель, но весь Его законъ заключается въ принципѣ богосыновней автономіи, богосыновней свободы. Онъ—судія, но судитъ міръ только какъ Сынъ Божій ⁴⁾, какъ сѣющій сыновъ Божіихъ, дарующій міру вѣчную жизнь...

Евангельское спасеніе въ его идеѣ, мотивахъ и способѣ совершенія раскрывается предъ нами не только съ положительной, но и съ отрицательной стороны. Намъ настойчиво внушается, чѣмъ должна быть евангельская вѣра, наше отношеніе ко Христу, и чѣмъ она не можетъ быть. Евангельскій даръ, какъ дѣло живого творчества, не допускаетъ никакихъ компромиссовъ, не терпитъ никакой условности. Онъ можетъ быть принятъ достойно, въ его собственной мѣрѣ, въ его подлинномъ смыслѣ. Не дается возможности окольного исползованія, частичнаго отвѣдыванія, условнаго примѣненія, и нѣтъ надежды на сантиментальную снисходительность дарителя. Приглашаются всѣ, но не имѣющіе брачнаго одѣянія сурово извергаются. Допускаются на пиръ лишь царственные сыны, Божіи дѣти, духовно-рожденные, духовно-свободные. Нѣтъ мѣста ничему рабскому, покорному. Нельзя

1) Мѡ. XIII, 37. 38

2) Иоан. VI, 57.

3) Иоан. VIII, 12; IX, 5; XII, 46; XVIII, 37.

4) Иоан. V, 22

замѣнить дѣйствительной богорожденности трусливымъ взынаніемъ: „Господи! Господи!“—и робкою услужливостью ¹⁾).

Такъ, въ частности, Христось былъ учителемъ и наставникомъ, единственнымъ учителемъ и единственнымъ наставникомъ ²⁾. Онъ училъ такъ, какъ никогда не училъ человѣкъ ³⁾,—училъ съ такимъ авторитетомъ, какого не имѣли не только книжники и фарисеи ⁴⁾, но и ни одинъ изъ пророковъ. Онъ не опирался ни на какое внѣшнее свидѣтельство, кромѣ свидѣтельства Своего Отца ⁵⁾; Онъ говорилъ то, что Самъ слышалъ отъ Отца ⁶⁾, говорилъ отъ Своего имени, потому что въ Себѣ имѣлъ Отца ⁷⁾. Онъ одинъ обладалъ религиозной истиной и владѣлъ всею истиною ⁸⁾. Отъ пророческихъ писаній Онъ былъ совершенно независимъ, съ полною свободою передвигалъ центръ ихъ тяжести, сводилъ одно къ исторически - условному и возводилъ другое къ вѣчному и неизмѣнному ⁹⁾. Въ качествѣ такого религиознаго авторитета Христось требовалъ Себѣ отъ слушателей и учениковъ довѣрія ¹⁰⁾.... Однако довѣріе выражаетъ только начальную ступень въ живыхъ отношеніяхъ учениковъ ко Христу. Здѣсь важно не только то, что каждому дается критерій для испытанія евангельскаго ученія ¹¹⁾, но и то, что Христось призываетъ къ Себѣ лишь тѣхъ, которыхъ привлекаетъ Самъ Отецъ ¹²⁾, возрождаетъ въ каждомъ вѣрующемъ божественную духовность. Евангельская истина передается вѣрующему не только во всей полнотѣ своего содержанія, но и въ источной самородности свободного творчества ¹³⁾: евангельская истина дѣлаетъ свободными усвоившихъ ее ¹⁴⁾. Въ области христіанскаго наученія болѣе,

1) Мѣ. VI, 21; Лук. VI, 46

2) Мѣ XXIII, 8 10 ср. Иоан. XIII, 13

3) Иоан. VI, 46.

4) Мѣ VII, 29; Мр I, 22.

5) Иоан. V, 31—37; VIII, 18.

6) Иоан. V, 19. 30; VI, 16; VIII, 26, XII, 49 50

7) Иоан. VIII, 29; XIV, 6. 10.

8) Мѣ. XI, 27; Лук. X, 22.

9) Мѣ. XVII, 10—13 пар. XIX, 7—8 и др.

10) Иоан. IV, 21 и мп др.

11) Иоан. VII, 17.

12) Иоан. VI, 44. 65.

13) Иоан. VII, 38. 39

14) Иоан. VIII, 32.

чѣмъ въ иныхъ областяхъ, ученикъ, усовершенствовавшись, становится какъ учитель ¹⁾. Трапеза христіанской истины не имѣетъ крошекъ, падающихъ для собакъ ²⁾,—она для однихъ господъ, для друзей хозяина ³⁾. И если бы авторитетъ Христа былъ на одну іоту менѣе того, какимъ Онъ обладалъ, если бы онъ не былъ абсолютнымъ, онъ давилъ бы учениковъ. Но это былъ авторитетъ богосыновней свободы, которая усваивается каждымъ вѣрующимъ.

Затѣмъ вѣра во Христа является упованіемъ на Него, вѣрою въ Его силу и, прежде всего, въ Его чудотворную силу, вѣрою Его дѣламъ, какихъ никто другой не творилъ ⁴⁾. Такою была первоначальная вѣра Его учениковъ... Но и упованіе на Христа не составляетъ сущности евангельской вѣры, послѣдней ступени въ отношеніи къ Нему учениковъ. Отъ нихъ самихъ требуется всемогущая вѣра, для которой нѣтъ ничего невозможнаго ⁵⁾. Вѣрующій во Христа имѣетъ власть творить дѣла, которыя творилъ Христосъ, и даже больше нихъ; въ послѣднемъ результатѣ не Христосъ ходатайствуетъ за нихъ предъ Отцомъ, но Самъ Отецъ любить ихъ ⁶⁾.

Этотъ евангельскій призывъ къ всемогущей вѣрѣ особый оттѣнокъ получаетъ въ лучахъ евангельскаго ученія о полномъ христіанскомъ самоотреченіи, съ которымъ неразрывно связана евангельская вѣра, и о символическомъ значеніи Христовыхъ чудесъ, поскольку ихъ исторія служить оболочкою духовныхъ благъ и увѣнчивается духовною свободою вѣрующихъ. Отсюда ученики Христа убѣждаются не радоваться дару чудотворной силы, но радоваться внутреннимъ благамъ духовной жизни ⁷⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ обладаніе всемогущею силою Христа—пророчествованіе, изгнаніе бѣсовъ и другія чудотворенія Его именемъ—не даютъ ручательства за спасеніе человѣка, поскольку обладающіе чудотворною

1) Лук VI, 40.

2) Въ Мѣ. XV, 26—28 пар испытаніе вѣры, но не сущность ея.

3) Иоан XV, 15.

4) Иоан. III, 2; XV, 24; Мѣ. VIII, 26; IX, 28; XIV, 27 пар и др.

5) Мѣ XVII, 20; XXI, 21 пар.

6) Иоан. XIV, 12; XVI, 26 27

7) Лук. X, 20

силою Христа, но не имѣющіе Его духовной вѣчной жизни сурово извергаются изъ царства Божія ¹⁾).

Такимъ образомъ, отрѣзываются всѣ пути къ обходу единственнаго дара, который предлагается евангеліемъ, дара богосыновства и вѣчной духовной жизни. Нѣтъ никакой возможности истолковать евангеліе въ смыслѣ произвольной небесной милости, которою можно пользоваться въ условной мѣрѣ житейскихъ соображеній. Христосъ имѣлъ одну задачу, которая преуказывалась Ему собственнымъ сердцемъ, собственнымъ самосознаніемъ,—даровать людямъ блага Своего богосыновства, духовно вселиться въ нихъ. Поскольку Онъ дѣйствительно выполнилъ эту задачу, реализовалъ Свое богосыновство въ условіяхъ наличной человѣческой жизни, Онъ является Сыномъ человѣческимъ.

Уже то, что одинъ Христосъ именуется и Сыномъ Божіимъ и Сыномъ человѣческимъ, указываетъ на неразрывность этихъ именъ. Послѣдняя и прямо отмѣчается на страницахъ евангелія. Исповѣданіе Петра, столь важное въ ходѣ евангельской исторіи: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живого“—было произнесено имъ на выразительный вопросъ Христа: „за кого вы почитаете (Меня) Сына человѣческаго?“ ²⁾. Исповѣданіе, составившее краеугольный камень евангельскаго строительства, спасительнаго дѣла Христова, было признаніемъ Сына Божія въ Сынѣ человѣческомъ. Образъ Сына человѣческаго облекаетъ богосыновную сущность, носить ее въ себѣ и открываетъ міру. Если имя Христа Сынъ Божій обозначаетъ Его духовную сущность, самую реальность Его внутренней личной жизни, включая природно-духовную перворожденность отъ Отца, то имя Сынъ человѣскій обнимаетъ Его индивидуальное историческое дѣло, Его историческое служеніе спасенію рода человѣческаго, Его внѣшній историческій обликъ. Имя Сынъ человѣскій ближе всего указываетъ на спасительное уничтоженіе Христа, на откровеніе божественной славы въ условіяхъ человѣческаго уничтоженія. Отношеніе между образами Сына Божія и Сына человѣческаго можно выразить святоотеческою формулою: „Сынъ Божій сталъ Сыномъ че-

¹⁾ Мѡ. VII, 22. 23

²⁾ Мѡ XVI, 13—17 пар.

человѣческимъ для того, чтобы мы сдѣлались сынами Божиими“. Эта формула, встрѣчающаяся у отцовъ, наименѣ зависящихъ отъ языческой философіи, имѣетъ подъ собою евангельскую основу. И что, выступая изъ Своей неизвѣстности, изъ Своего уединенія на общественное служеніе, Христосъ дѣйствительно сталъ Сыномъ человѣческимъ, облекся въ уничиженіе этого образа, въ этомъ убѣждаетъ насъ Его пребываніе въ пустынѣ, гдѣ Онъ отклонилъ искушеніе внѣшней богосыновней славы, внѣшней богоизбранности, небеснаго благоволенія. Безспорная реальность этихъ искушеній Христа и непрерывный рядъ изреченій, преимущественно пріуроченныхъ къ имени Сынъ человѣскій, въ которыхъ изъясняется идея спасительнаго откровенія славы въ уничиженіи и страданіяхъ, въ самоотреченіи любви, ставятъ внѣ сомнѣнія, что мы встрѣчаемъ здѣсь добровольное и сознательное дѣло Христа. И насколько эта идея неслучайна въ евангеліи, это доказывается тѣмъ, что Христосъ чаще всего называлъ Себя Сыномъ человѣческимъ.

До Христа имя Сынъ человѣскій употреблялось или въ іудейскомъ смыслѣ трансцендентно-эсхатологической апокалиптики или въ пророческомъ смыслѣ раба Божія, страдающаго праведника. Въ евангельскомъ образѣ Сына человѣческаго мы встрѣчаемъ тѣ и другія черты, причемъ онѣ сливаются вмѣстѣ, и это новое сочетаніе славы съ уничиженіемъ и страданіями открываетъ оригинальную евангельскую идею.

Слѣды іудейской апокалиптики въ евангельскомъ образѣ Сына человѣческаго бросаются въ глаза. Сюда относятся многочисленныя изреченія о пришествіи ¹⁾, или откровеніи (*ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἀποκαλύπτει*) ²⁾ Сына человѣческаго, въ день свой ³⁾, во славу своей и Отца своего ⁴⁾ или въ царствіи своемъ ⁵⁾, о шествіи Сына человѣческаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою, о знаменіи Сына человѣческаго на небѣ, о сѣденіи его на престолѣ

¹⁾ Мѡ. X, 23; XXIV, 27. 37 39. 44; XXV, 13; Лук. XII, 40 ср. XVII, 26 30; XXI, 36.

²⁾ Лук XVII, 30

³⁾ Лук XVII, 24 ср 26. 30.

⁴⁾ Мѡ. XVI, 27; Мр. VIII, 38; Лук. IX, 26; Мѡ. XXV, 31.

⁵⁾ Мѡ. XVI, 27 28

славы своей, или одесную силы, о посланіи ангеловъ съ трубою громогласною ¹⁾, о воскресеніи Сына человѣческаго ²⁾.

Нужно думать, что рѣчи Христа о Своей небесной славѣ имѣли для Него реальный смыслъ, что Онъ дѣйствительно ожидалъ прославленія отъ Отца Небеснаго. Тѣмъ не менѣе конкретныя формы іудейской апокалиптики, въ которыхъ Онъ выражалъ Свою религіозную правду, нельзя не признать за символическую оболочку внутреннихъ переживаній. Слѣдуетъ принять въ соображеніе уже то, что эти конкретныя формы взяты изъ іудейской апокалиптики безъ какихъ-либо измѣненій. Не трудно видѣть, что, по аналогіи съ другими старыми формами религіозной мысли, и это евангельское заимствование имѣло значеніе скорѣе протореннаго пути, по которому незамѣтно вводилось въ религіозную область новое содержаніе, чѣмъ усвоенія старыхъ формъ новому религіозному содержанію. Въ данномъ случаѣ новое содержаніе отмѣчается необычною для іудейскаго религіознаго созерцанія связью небесной славы Сына человѣческаго съ его уничиженіемъ, страданіями и смертью. Для этого имѣются прямыя указанія въ евангеліи ³⁾, но получаютъ значеніе и хронологическіе термины пришествія Сына человѣческаго. Оно падаетъ на время страданій Христа. Въ послѣдніе дни Своей жизни Онъ сказалъ: „*пришелъ* часъ, чтобы прославился Сынъ человѣческій“, причемъ выразительно разъяснилъ, что Онъ разумѣлъ славу Своей искупительной смерти ⁴⁾. Прощальную бесѣду съ учениками Онъ началъ словами: „*нынѣ* прославился Сынъ человѣческій и Богъ прославился въ немъ“ ⁵⁾. Также въ началѣ первосвященнической молитвы Онъ произнесъ: „Отче! *пришелъ* часъ, прославь Твоего Сына, чтобы Сынъ прославилъ Тебя“ ⁶⁾. Своимъ судьямъ, наканунѣ Своей смерти, Онъ отвѣтилъ: „*отнынѣ* увидите Сына человѣческаго, сидящаго одесную

1) Мѣ XIII, 41; XIX, 28 (ср. Лук. XXII, 29—30); XXIV, 30—31 пар. XXV, 31; XXVI, 64 пар.

2) Мѣ. XVII, 9; Мр. IX, 9

3) Лук. XXII, 24—25 ср. XXIV, 25—27.

4) Иоан. XII, 23—24.

5) Иоан. XIII, 32

6) Иоан. XVII, 1.

силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“ ¹⁾). Общее евангельское ученіе о наградѣ отъ Отца Небеснаго, которая дается вѣрующему среди страданій временной жизни и не имѣетъ характера внѣшняго прославленія, вполне совпадаетъ съ Его рѣчами о славѣ Сына человѣческаго. Какъ соединенная съ страданіями и смертью, она только символически прикрывается конкретными образами іудейской апокалиптики. Ничего не измѣняетъ въ этомъ случаѣ и предуказанное воскресеніе Сына человѣческаго, такъ какъ оно болѣе, чѣмъ какая-либо другая сторона въ небесной славѣ Сына человѣческаго, существенно связано со смертью и въ силу этой связи должно быть истолковано духовно. Здѣсь опять нельзя не припомнить евангельскаго ученія о вѣчной жизни. Поэтому, признавая, что воскресеніемъ Христа въ евангеліи замѣняется іудейско-апокалиптической образъ Сына человѣческаго, мы должны согласиться, что это есть замѣна внѣшнихъ образовъ небесной славы духовнымъ пониманіемъ ихъ. Нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ воскресеніи Христа новую почву, на которую можно было бы пересадить старые плоды іудейской апокалиптики.

Тѣсная связь небесной славы Сына человѣческаго съ его униженіемъ, страданіями и смертью обращаетъ наше вниманіе на пророческія черты раба Божія въ образѣ Сына человѣческаго. Относящіяся сюда евангельскія мѣста многочисленны. Почти всѣ рѣчи и изреченія Христа о Своемъ униженіи, страданіяхъ и смерти прилагаются къ образу Сына человѣческаго ²⁾.

При обсужденіи униженія и страданій Сына человѣческаго необходимо имѣть въ виду ихъ мессіанское значеніе: они были добровольно приняты Христомъ ³⁾, во исполненіе воли Божіей ⁴⁾, для спасенія людей. Сынъ человѣскій пришелъ взыскать и спасти погибшее ⁵⁾, спасти міръ ⁶⁾.

¹⁾ Мѡ. XXVI, 64 пар.

²⁾ Мѡ. VIII, 20, XI, 19; XVII, 12. 22. 23; XX, 19. 20; XXVI, 2 24 45; Мр VIII, 31; IX, 12 31; X, 33; XIV, 21. 41; Лук. VII, 34; IX, 22 44 58; XVIII, 31; XXII, 22. 48; XXIV, 7; Иоан. III, 14; VIII, 28

³⁾ Иоан. X, 17 18.

⁴⁾ Мѡ. XVI, 21; XXVI, 24; Мр VIII, 31; IX, 12; XIV 21; Лук. IX, 22; XVIII. 31; XXII, 22; XXIV, 7. 26.

⁵⁾ Лук. XIX, 10 (Мѡ. XVIII, 11; Лук. IX, 56).

⁶⁾ Иоан. XII, 47.

Сынъ человѣческой не пришелъ, чтобы ему служили, но послужить и отдать душу свою въ выкупъ за многихъ ¹⁾. Общественная дѣятельность Христа есть дѣятельность Сына человѣческаго: сѣющій доброе сѣмя, сыновъ царствія, есть Сынъ человѣческой ²⁾. Въ частности, уничиженіе и лишенія, проявившіяся въ жизни Христа, вызваны цѣлями Его служенія: Онъ не имѣетъ, гдѣ приклонить голову, въ качествѣ странствующаго учителя ³⁾; Онъ другъ мытарямъ и грѣшникамъ, ищетъ ихъ позорнаго общества, потому что пришелъ взыскать погибшее и потерянное ⁴⁾. Особенно смерть Сына человѣческаго есть его мессіанское дѣло: Христосъ шелъ ей навстрѣчу съ яснымъ сознаниемъ ея спасительности для человѣка. Въ этомъ находить свое объясненіе то примѣчательное обстоятельство, что Онъ сталъ открыто говорить ученикамъ о Своей смерти съ опредѣленнаго момента Своей дѣятельности,—съ того, какъ ученики, при Кесаріи Филипповой, исповѣдали Его Христомъ, Сыномъ Бога живого ⁵⁾. Съ выразительностью и рельефностью мысли, какихъ только можно пожелать, ставится на видъ, что Христосъ, какъ признанный Мессія, долженъ идти крестнымъ путемъ, что внѣшняя слава Сына человѣческаго, слава чудесъ и свѣтлаго сіянія, есть начальный путь къ послѣднему акту искупительной смерти ⁶⁾.

Въ уничиженіи и страданіяхъ, добровольно принятыхъ Христомъ ради Божія дѣла, вполне исполнился пророческій образъ Сына человѣческаго, раба Божія. Но это исполненіе пророческаго образа сопровождалось неизбѣжнымъ внесеніемъ въ него новой струи. Пророческій рабъ Божій ждалъ внѣшняго оправданія, евангельскій Сынъ человѣческой въ себѣ носить божественную славу. И какъ элементомъ страданія евангеліе внесло новое, преобразующее начало въ апокалиптическій образъ Сына человѣческаго, такъ и элементомъ божественной славы вносится преобразующее начало въ пророческій образъ Сына человѣческаго, такъ что

¹⁾ Мѣ XX, 28; Мр. X, 45.

²⁾ Мѣ XIII, 37

³⁾ Мѣ VIII, 20; Лук. IX, 58

⁴⁾ Мѣ. XI, 19; Лук. VII, 34.

⁵⁾ Мр. VIII, 31. 32 пар

⁶⁾ Лук IX, 43. 44 ср Іоан XIII, 3—5.

новня слава становится достояніемъ людей ¹⁾. Въ этомъ случаѣ нужно помнить и то, что сынъ человѣскій филологически есть то же, что́ человѣкъ ²⁾, такъ что власть Сына человѣческаго надъ субботою есть власть надъ нею человѣка ³⁾ и власть Сына человѣческаго прощать на землѣ грѣхи есть власть, данная отъ Бога человѣкамъ ⁴⁾.

Что сынъ человѣскій филологически значитъ то же, что́ человѣкъ, это говорить не о томъ, что Христосъ былъ однимъ изъ сыновъ человѣческихъ *υἱὸς ἀνθρώπου*: Онъ былъ *ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου*. Историческая особенность Его дѣла соотвѣтствуетъ первородности Его богосыновства. Та и другая обнимаются въ имени Христосъ, давая ему реальное содержаніе. Но это говорить о томъ, что въ самой исключительности Его историческаго дѣла мыслится универсальность цѣли: Онъ сталъ Сыномъ человѣческимъ для того, чтобы всѣхъ сдѣлать сынами Божиими. Для Него исключительнымъ дѣломъ было то, что Онъ сталъ однимъ изъ многихъ,—такимъ дѣломъ, которое имѣло характеръ подвига, спасительнаго подвига. И если мы сказали, что идея спасенія, его мотивы и методъ существенно истекали изъ богосыновняго самосознанія Христа, то этимъ мы еще не говоримъ, что дѣло Христа было отрѣшено отъ исторической реальности. Напротивъ, какъ богосыновняя любовь Христа обнимала весь міръ ⁵⁾, такъ въ результатахъ своихъ Его дѣло оказывается религіозно-историческимъ событіемъ. Мы лишь должны отрицать въ этомъ дѣлѣ всякую историческую случайность, весь его смыслъ и все существенное въ немъ мы должны выводить изъ одного богосыновства Христова, изъ свойствъ Его личной духовной жизни, изъ Его личнаго творчества; но всемірно-историческій результатъ уже включенъ въ сущности Его богосыновства. Образъ Сына человѣческаго съ неизбежностью вырастаетъ изъ образа Сына Божія. Богосыновство Христа „совершается“ въ уничиженіи и страданіяхъ Сына человѣческаго. Мѣсто христіанства въ исторіи, его всемірно-историческое значеніе наиболѣе откры-

1) Иоан. XII, 23—24; XVII, 1 сл.

2) Пс. VIII, 5; Чис. XXIII, 19; Іов. XVI, 21; XXV, 6

3) Мр. II, 27—28.

4) Мѡ. IX, 6. 8.

5) Иоан. III, 16

вають предъ нами душу Христа, глубины Его самосознанія. Когда Христось сказалъ: „Я Сынъ Божій“, то вѣдь этотъ моментъ былъ моментомъ рѣшительнаго переворота въ религіозно-историческихъ судьбахъ человѣчества: съ этого времени Богъ реально сталъ Отцомъ человѣка. Если уже религіозное прозрѣніе одного изъ сыновъ человѣческихъ не можетъ быть забыто; то фактическое богосыновство одного придаетъ ему значеніе второго Адама. Но богосыновство по внутреннимъ основаніямъ ведетъ къ возрожденію другихъ къ своей исторической реализаціи. И это не то, что разыгрываніе предначертаннаго плана съ обезпеченнымъ успѣхомъ: дѣло Сына человѣческаго было религіозно-исторической проблемой со всею тяжестью живого подвига. И насколько въ фактѣ собственнаго богосыновства были даны всѣ основанія для спасительнаго дѣла и не оставалось ни малѣйшей возможности сомнѣнія; настолько же самое дѣло Сына человѣческаго вовлекало его въ религіозно-историческую борьбу человѣка съ Богомъ, переносило на него всю тяжесть религіозной вѣры. Въ образѣ Сына человѣческаго мы видимъ поставленную религіозно-историческую задачу—задачу вѣры въ богосыновство уничиженнаго человѣка. Мы знаемъ, что въ евангельской исторіи эта задача рѣшена: ученики Христа увѣровали въ богосыновство уничиженнаго Сына человѣческаго. И это рѣшеніе имѣетъ не только неизгладимость прозрѣнія, но и реальную силу сердечнаго перерожденія, которое пережито христіанскимъ человѣчествомъ. Какъ дохристіанское человѣчество органически не могло признать Божія избранника въ презрѣнномъ рабѣ въ опозоренномъ преступникѣ, въ увѣчномъ и нищемъ, какъ оно не могло разорвать между небеснымъ благоволеніемъ и между славою избранной націи, царскаго происхожденія, богатства, почета и удачи; такъ для христіанскаго человѣчества самымъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ является независимость божественной духовной жизни отъ внѣшней славы. И это прозрѣніе, это перерожденіе сердца человѣческаго совершилось въ предѣлахъ евангельской исторіи: тогда была рѣшена проблема вѣры. Но величіе и сила результата не заставляеть ли предположить соотвѣтствующее величіе его виновника? Не должны ли мы признать высшую сознательность въ Томъ, Кто носилъ образъ Сына человѣческаго?

Столь величественная по своимъ религіозно-историческимъ результатамъ проблема не была ли и поставлена съ яснымъ сознаниемъ ея важности и рѣшена со всею тяжестью живого подвига? Никакая филологія и исторія не дадутъ намъ рѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые вызываются евангельскимъ учениемъ о Сынѣ Человѣческомъ, если только мы не проникнемъ въ область реальной психологіи Христа, Его реальныхъ переживаній. Мы должны представлять себѣ Назаретскаго Учителя съ глубоко скрытою въ сердцѣ тайною Сына Человѣческаго. Онъ одинъ зналъ и зналъ ясно и твердо рѣшавшуюся въ Его дѣлѣ религіозную задачу,—Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ: „теперь вы не можете вмѣстить всего Моего слова, теперь вы не знаете, что Я дѣлаю, теперь вы не можете идти за Мною; послѣ вы вмѣстите слово Мое, послѣ вы уразумѣете, послѣ вы пойдете за Мною,—вспомните все и поймете, такъ что вамъ не о чемъ будетъ спрашивать, не будетъ для васъ притчей и загадокъ“ ¹⁾. И когда Онъ шелъ на смерть, Онъ зналъ, что оставлялъ Своимъ ученикамъ величайшій соблазнъ смерти ²⁾,—и зналъ, что отъ побѣды ихъ надъ этимъ соблазномъ зависитъ весь успѣхъ Его дѣла, рѣшеніе религіозно-всесмірнаго вопроса. Вся эта тайна, во всей яркости поставленной проблемы, во всей тяжести связанной съ нею вѣры въ Человѣка, скрывается въ имени Сынъ Человѣческій. Эта тайна даетъ о себѣ знать въ томъ одномъ, что Христось, по свидѣтельству всѣхъ четырехъ евангелій, обычно говорилъ о Сынѣ Человѣческомъ въ третьемъ лицѣ. Называя Бога: „Мой Отецъ Небесный“ и проповѣдуя въ послѣднемъ итогѣ: „Я—Сынъ Божій“ ³⁾, Христось не говорилъ: „Я—Сынъ Человѣческій“, но говорилъ о Сынѣ Человѣческомъ: „Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову... Сынъ Человѣческій даетъ вамъ жизнь вѣчную... Сынъ Человѣческій придетъ во славу“... Этимъ выражается сильная и устойчивая мысль, что во Христѣ, Сынѣ Человѣческомъ, проблема богосыновней вѣры получала историческую объективность. И другой примѣчательный фактъ, что только Самъ Христось имено-

1) Иоан. XIII, 7. 36; XIV, 20. 26; XVI, 4. 12—14 23. 25

2) Мѣ. XXVI, 31 пар

3) Иоан. X, 36; Мѣ. XXVII, 43 пар.

валь Себя Сыномъ человѣческимъ, что со смерти Христа это имя исчезаетъ изъ христіанскаго языка, что оно уже не встрѣчается у апостола Павла и у позднѣйшихъ отцовъ церкви,—этотъ фактъ также находить достаточное объясненіе въ томъ, что со смертью Христа, когда ученики Его пережили послѣднее крушеніе своихъ іудейскихъ ожиданій и когда они побѣдили крайній соблазнъ уничиженія Христова вѣрою въ Его богосыновство,—со смертью Христа проблема Сына человѣческаго нашла дѣйствительное разрѣшеніе, на вопросъ получился отвѣтъ, тайна была разгадана, и потому для вопроса, для притчи, для символическаго образа Сына человѣческаго уже нѣтъ почвы ¹⁾. Это имя было умѣстно тогда, когда можно было говорить о стыдѣ за того, кто носилъ это имя. „Кто постыдится Меня“ ²⁾; отъ этихъ словъ вѣетъ такимъ реализмомъ, такую невыдуманную правдою, что предъ нами какъ-бы обнажается истерзанное сердце Сына человѣческаго, какъ живая развертывается евангельская драма, живое историческое дѣло.

Для насъ интересны всѣ эти вопросы потому, что личная религіозная жизнь Христа, Его психологія, заключаетъ въ себѣ происхожденіе христіанства. Евангеліе въ своей психологической основѣ и спасительномъ откровеніи есть для насъ не что иное, какъ историческое народженіе той духовно-религіозной жизни, которая нынѣ составляетъ неотъемлемое достояніе христіанскаго человѣчества. И какъ нельзя

1) Тайна Сына человѣческаго не существуетъ для метода догматическаго гностицизма, разрѣшающаго все въ безстрастную игру отвлеченныхъ метафизическихъ понятій, и для отрицательнаго рacionalesма, который все сводитъ къ позитивной плоскости историко-филологическаго фона евангельской исторіи и не хочетъ знать ничего, возвышающагося надъ этимъ фономъ. Отрицательный рacionalesмъ не смущается тѣмъ, что для него многое и самое существенное въ евангеліи остается непонятнымъ, что онъ запугивается въ своихъ собственныхъ вымыслахъ, въ которыхъ ищетъ выхода. Однако самое возмутительное въ этомъ научномъ позитивизмѣ его пошлая мѣщанская приниженность, самодовольное пресмыканіе въ узкихъ границахъ здраваго смысла. Изъ всѣхъ этихъ Neutestamentliche Theologie, Vie de Jésus выносишь одно несомнѣнное убѣжденіе въ пошлой низости, въ чуждой всякаго вдохновеннаго подъема ограниченности всѣхъ этихъ нѣмецкихъ бюргеровъ и французскихъ буржуа, достаточно сытыхъ, чтобы переворачивать евангельскіе кирпичики, но совершенно безспильныхъ, чтобы сложить ихъ въ стройную картину

2) Мр. VII, 38; Лук. IX, 26.

проникнуть въ это откровеніе безъ конгеніальности личнаго опыта; такъ и, обратно, нельзя понять первохристіанскихъ памятниковъ и первохристіанской исторіи помимо психологіи Христа. Этимъ опредѣляется и положеніе евангельской хринологіи въ системѣ евангельскаго ученія.

Среди всего уничиженія и среди всѣхъ страданій Христа преимущественно спасительная сила приписывается Его смерти отъ рукъ грѣшниковъ. Чась смерти это „Его“ чась, на который „Онъ пришелъ“, предопредѣленный Ему отъ Отца ¹⁾. Когда Онъ говорилъ о той грядущей грани, до которой ученики не все вмѣщали изъ Его словъ, не могли слѣдовать Его путемъ и послѣ которой они должны были все понять, то Онъ разумѣлъ чась Своей смерти ²⁾. Хронологія пришествія Сына человѣческаго и Его прославленія вращается около Его смерти. Все должное для Христа, написанное о Немъ, ближайшимъ образомъ относилось къ Его смертному уничиженію, къ смертнымъ страданіямъ ³⁾. Онъ спасаетъ души, спасаетъ міръ, отдавая душу Свою въ выкупъ за многихъ, полагая жизнь Свою за друзей, посвящая Себя за людей ⁴⁾, отдавая плоть и кровь Свою ⁵⁾.

Смерть Христа въ ея спасительномъ значеніи объясняется и по сущности Его духовной жизни, Его богосыновней любви, и по исторической формѣ ея откровенія, причемъ эта форма не является исторически-случайною, но мы наблюдаемъ рѣшительное совпаденіе существеннаго откровенія Его духовной жизни и историческаго метода Его дѣла.

Сущность любви въ жертвѣ и сущность абсолютной богосыновней любви въ безграничномъ самопреданіи, въ самопожертвованіи до смерти. Не только смерть есть тотъ „конецъ“ любви, раньше котораго она не можетъ остановиться ⁶⁾, т. е. представляетъ собою неизбѣжный путь къ

¹⁾ Иоан. VII, 30; VIII, 20; XII, 23—27; XVII, 1.

²⁾ Иоан. XIII, 33—38; XVI, 12. 25.

³⁾ Мѣ. XVI, 21; XXVI, 24; Мр. VIII, 31; XIV, 21; Лук. IX, 22; XVIII, 31; XXII, 22; XXIV, 7. 26

⁴⁾ Мѣ. XX, 28; Мр. X, 45; Иоан. X, 11; XV, 13; XVII, 19

⁵⁾ Иоан. VI: Мѣ XXVI, 28 пар.

⁶⁾ Иоан. XIII, 1.

безпредѣльности любви, къ ея высшей степени ¹⁾, не только въ формальной абсолютности духовно-божественной любви заложено ея устремленіе къ смерти, къ смертной жертвѣ, но устремленіе это предопредѣляется и ея богосыновнимъ содержаніемъ. Если дѣло Сына Божія, обладавшаго славою чудесъ и авторитетомъ единого наставника, состояло въ томъ, чтобы замѣнить внѣшнюю и исключительную славу духовною славою, доступною каждому человѣку, и поставить на мѣсто авторитета совершенную свободу Своихъ друзей, въ томъ, чтобы вселиться Ему въ сердца людей и сдѣлать Отца Своего Отцомъ каждого вѣрующаго; то уничтоженіе и страданія Сына человѣческаго не могли въ своемъ возрастаніи остановиться ранѣ смерти, такъ какъ только смерть угашаетъ послѣднюю надежду на внѣшнюю славу, приводитъ къ крушенію всякія мечты богоизбранничества, всякія упованія на небесное благоволеніе, только смерть Сына человѣческаго установила духовное общеніе Христа Сына Божія съ вѣрующими.

Къ этой существенной основѣ искупительной смерти Христа присоединяется основаніе историческое. Какъ носитель духовной жизни, какъ принесшій въ міръ любовь и свѣтъ, Христосъ былъ неизбѣжно не только спасителемъ, но и судьей міра ²⁾. Его дѣло было спасеніемъ для вѣрующихъ и судомъ надъ невѣрующимъ міромъ, надъ его злобою, надъ его злымъ принципомъ. Міръ былъ представленъ для Христа іудейскимъ народомъ, и Его судъ надъ міромъ былъ исторически-реальнымъ судомъ надъ Израилемъ, къ которому Онъ и былъ посланъ, надъ его теократическимъ націонализмомъ, надъ національною ограниченностью религіи. Нарожденіе христіанства есть историческій моментъ перехода религіи національно-ограниченной въ религію лично-абсолютную. Это перерожденіе религіи необходимо предполагаетъ судъ Христа надъ іудейскимъ народомъ, т. е. пришествіе Его къ Израилю, ограниченіе евангельской проповѣди предѣлами іудейскаго народа, затѣмъ смерть Его отъ іудеевъ и окончательное отверженіе ихъ. Это былъ судъ надъ народомъ, который не искалъ славы Божіей, который

---

¹⁾ Іоан. XV, 13

²⁾ Іоан. IX, 39; XII, 31.

избивалъ пророковъ Божіихъ, съ котораго нужно было взыскать ихъ кровь ¹⁾. Судъ состоялъ въ томъ, что жестоковѣйный народъ дополнилъ мѣру отцовъ своихъ ²⁾. Христосъ былъ сыномъ хозяина, посланнымъ къ виноградарямъ послѣ того, какъ они убили его слугъ ³⁾. Виноградари убили и сына-наслѣдника, въ чемъ и открылась ихъ безповоротная отверженность. Такъ и іудеи, распявъ Христа, открыли свою ненависть къ Богу, показали, что не Богъ ихъ отецъ ⁴⁾. Итакъ, въ объемъ дѣла Христова входило то, чтобы Онъ былъ преданъ въ руки грѣшниковъ ⁵⁾, принялъ смерть отъ рукъ человѣческихъ ⁶⁾, отъ іудеевъ ⁷⁾ и язычниковъ ⁸⁾.

Въ послѣднемъ результатѣ Своего дѣла Христосъ былъ спасителемъ нѣкоторыхъ, или многихъ, и судіею міра, и прежде всего, богоизбраннаго народа. Но въ своемъ исходѣ дѣло Его было однимъ для спасаемыхъ и осуждаемыхъ. Судъ состоялъ въ томъ, что въ Его лицѣ пришелъ въ міръ свѣтъ, котораго не могли вынести возлюбившіе тьму ⁹⁾, въ томъ, что слово Его произвело раздѣленіе между сынами свѣта и сынами тьмы. Онъ пришелъ спасать, а не судить ¹⁰⁾, но жизнь, которую Онъ даетъ міру, является животворящимъ духомъ для вѣрующихъ и огнемъ для невѣрующихъ ¹¹⁾. Поэтому божественное дѣло любви, по которой Сынъ Божій отданъ для спасенія міра ¹²⁾, вкрапляется въ злодѣяніе грѣшныхъ рукъ человѣческихъ. Впрочемъ сюда же достигаетъ и спасительное намѣреніе: судъ надъ народомъ іудейскимъ, надъ грѣшнымъ міромъ, былъ историческою формою, въ которой открылась міру вѣчная жизнь Христа. Осужденіе міра и отверженіе религіознаго націонализма были неизбѣжными условіями духовнаго рожденія вѣрующихъ. Въ

1) Мѡ. XXIII, 35; Лук XI, 50.

2) Мѡ. XXIII, 32.

3) Мѡ. XXI, 37 пар.

4) Іоан VIII, 42.

5) Мѡ XXVI, 45; Мр XIV, 41. Ср. Лук. XIII, 33; Мѡ XVI, 21 пар.

6) Мр IX, 31

7) Лук. XIII, 33; Мѡ. XVI, 21 пар.

8) Мѡ. XX, 18. 19.

9) Іоан. III, 19.

10) Іоан. III, 17.

11) Мѡ III, 11

12) Іоан. III, 16. 17.

Своей смерти отъ рукъ грѣшниковъ Христосъ открылся Сыномъ Божиимъ ¹⁾. Онъ отдалъ плоть Свою за жизнь міра (*ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς*), душу Свою положилъ за овецъ ²⁾.

Въ этихъ фактическихъ отношеніяхъ Христа къ вѣрующимъ, міру и грѣшникамъ дается опора для примѣненія ветхозавѣтнаго языка къ спасительному дѣлу Христа. Здѣсь разумѣются преимущественно два текста: а) Мѡ. XX, 28; Мр. X, 45 Сынъ человѣческой пришелъ дать душу (жизнь) Свою въ выкупъ за многихъ (*δοῦναι τὴν ψυχὴν αὐτοῦ λύτρον ἀντὶ πολλῶν*) и б) слова, произнесенныя Христомъ на тайной вечерѣ надъ хлѣбомъ и виномъ Мѡ. XXVI, 26. 28; Мр. XIV, 22. 24; Лук. XXII, 19. 20, особенно примѣчательныя въ передачѣ Матѡея: эта чаша есть кровь Моя (новаго) завѣта, за многихъ изливаемая во оставленіе грѣховъ (*τὸ αἶμά μου τῆς—καινῆς—διαθήκης τὸ περὶ πολλῶν ἐκχυνόμενον εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν*).

Въ этихъ изреченіяхъ мы слышимъ отголоски ветхозавѣтныхъ представленій о религіозномъ рабствѣ, въ какомъ находились евреи у Іеговы, о религіозныхъ грѣхахъ, требовавшихъ искупительной жертвы, объ искупительномъ значеніи праведниковъ, рабовъ Божіихъ ³⁾ и, наконецъ, о возобновленномъ или новомъ завѣтѣ съ Іеговой ⁴⁾. И всѣ эти представленія въ своихъ общихъ очертаніяхъ реализовались въ спасительномъ служеніи Христа. Что Христосъ пожертвовалъ Своею жизнью для спасенія человѣка, что Онъ, претерпѣвъ уничиженіе и смерть отъ руки грѣшниковъ, взялъ на Себя немощи и болѣзни грѣшниковъ, понесъ ихъ грѣхи ⁵⁾, что Онъ проповѣдывалъ освобожденіе и призывалъ подъ Свое благое иго и легкое бремя ⁶⁾, что Онъ установилъ новое отношеніе людей къ Богу, все это внушается каждою строкою евангелія. Однако истолковать эти изреченія мы можемъ единственно въ смыслѣ фактическихъ отношеній Христа къ вѣрующимъ, грѣшникамъ и міру, въ смыслѣ реального самосознанія Христа, Его дѣй-

1) Иоан. VIII, 28.

2) Иоан. VI, 51; X, 11. 15

3) Ис. LIII, 4—12.

4) Іер. XXXI, 31—34; Іез XXXIV, 25; XXXVII, 26; Ис LV, 3

5) Мѡ. VIII, 17 ср. Иоан. I, 29.

6) Мѡ. XI, 29—30; Иоан. VIII, 36

ствительныхъ переживаній. Онъ принялъ смерть отъ грѣшниковъ, чтобы вѣрующіе имѣли жизнь вѣчную. Онъ Своимъ самопожертвованіемъ и дарованіемъ людямъ благъ вѣчной жизни искупилъ вѣрующихъ изъ состоянія законническаго рабства и естественной злости, особенно же изъ бѣдственности того грѣха, въ который впалъ міръ вслѣдствіе невѣрія во Христа, изъ состоянія рабства этому грѣху, изъ гибели, которую онъ влекъ за собою. Искупленіе, совершенное Христомъ, есть то освобожденіе, которое даруется Сыномъ въ фактическихъ благахъ вѣчной жизни: Христось перевелъ вѣрующихъ изъ-подъ знамени мірскаго принципа жизни, изъ-подъ власти тьмы и гибели, подъ Свое иго, подъ знамя Отца Небеснаго. Онъ выкупилъ вѣрующихъ для Бога, для Его царства. Напротивъ, не имѣетъ никакого оправданія гностическая теорія искупленія, выступающая за предѣлы фактическихъ отношеній Христа, Его реального самосознанія, и строяемая исключительно изъ ветхозавѣтныхъ данныхъ. Мы разумѣемъ ту теорію, что Христось принесъ Себя въ жертву божественному гнѣву для умилоствленія за грѣхи людей и для избавленія ихъ отъ смерти. Нужно помнить, что гностическія понятія вообще чужды евангелію; отвлеченныя соображенія чловѣческаго разума по религіознымъ вопросамъ проходятъ мимо содержанія евангельской проповѣди. Равнымъ образомъ не помогаютъ здѣсь и ветхозавѣтныя данныя. При неустранимой связи евангельскаго ученія съ ветхимъ завѣтомъ, ни одинъ пунктъ евангельской системы не представляетъ собою простаго повторенія ветхозавѣтныхъ понятій. Неизмѣнно на всемъ протяженіи евангелія мы наблюдаемъ, какъ въ ветхозавѣтныя слова и образы влагаются новое содержаніе, вырастающее изъ новаго религіознаго опыта. Было бы непоправимой измѣной этому евангельскому методу извлекать, въ частности, и новозавѣтное ученіе объ искупленіи изъ филологическо-историческаго анализа соотвѣтствующихъ ветхозавѣтныхъ терминовъ и понятій. Мы можемъ въ этомъ пунктѣ, какъ и въ другихъ, ограничиться лишь существенными и массивными сторонами ветхозавѣтной религіи, какъ отправными точками евангельской проповѣди. Кромѣ того, гностическая теорія искупленія не можетъ опираться на ветхозавѣтный жертвенный культъ, такъ какъ

по ветхозавѣтнымъ представленіямъ никакая жертва не освобождаетъ отъ тяжести смертныхъ грѣховъ. Съ другой стороны, въ евангеліи открывается новый взглядъ на номистическіе грѣхи, новая оцѣнка номистической грѣховности и праведности; имѣеть крупное значеніе уже то обстоятельство, что Христось считалъ всѣ старые грѣхи простительными и Своею властью отпускалъ ихъ до Своей смерти ¹⁾. Не служить надежнымъ прибѣжищемъ для этой теоріи и ветхозавѣтное понятіе религіознаго рабства, закрѣпленное въ законническомъ режимѣ, поскольку оковы ветхозавѣтнаго рабства спадаютъ по самой сущности евангельской богосыновней свободы. Ближе подходитъ къ духу евангелія пророческій образъ невинныхъ страданій праведника, которымъ придавалось искупительное значеніе. Однако евангельскій опытъ въ томъ отношеніи переступаетъ за рамки ветхозавѣтнаго образа, что богосыновнее уничиженіе въ себѣ самомъ носить оправдывающую его божественную славу, тогда какъ ветхозавѣтныя несправедливыя страданія отсылали къ послѣдующему внѣшнему оправданію. Не говоря о томъ, что съ этой стороны ветхозавѣтный образъ страдающаго праведника неразрывно сплетался съ религіозно-юридическимъ ветхозавѣтнымъ міровоззрѣніемъ, важно особенно то различіе между пророческимъ и новозавѣтнымъ образами Сына человѣческаго, что въ ветхомъ завѣтѣ страданія и смерть праведника освобождали другихъ отъ наказанія за грѣхи страданіями и смертью, тогда какъ новозавѣтный Сынъ человѣческій, стоя выше всякой нужды во внѣшнемъ оправданіи, исходя изъ всепобѣждающаго блаженства любви и самопожертвованія, заповѣдуетъ и ученикамъ Свое уничиженіе и Свою смерть какъ образъ для нихъ. Въ этомъ былъ смыслъ участія учениковъ въ таинствѣ хлѣба и вина. И ближайшіе ученики Христа приняли Его смерть не какъ замѣну смерти своей и всѣхъ людей, а какъ примѣръ, которому они должны слѣдовать ²⁾. Какъ Христось умеръ отъ рукъ грѣшниковъ, чтобы духовно вселиться въ вѣрующихъ, такъ и ученики Христа должны умереть съ Нимъ, чтобы имѣть въ себѣ Его духовную

---

¹⁾ Мѡ IX, 1—8 пар. Лук VII, 37—50; Іоан. V, 14

²⁾ 1 Пет. II, 19—21 и др.

жизнь ¹⁾. Побѣда надъ смертью въ этомъ дана, но она не въ свободѣ отъ смерти и не въ отмѣнѣ ея, а въ силѣ духовной вѣчной жизни, которая открывается въ добровольной смерти. Такимъ образомъ *λύτρον ἀντι πολλῶν* теряетъ ветхозавѣтный смыслъ искупленія грѣха и замѣны однимъ другихъ предъ небеснымъ правосудіемъ. Евангеліе знаетъ лишь реальное благо вѣчной жизни, которое дается тому, кто фактически усваиваетъ ее, знаетъ лишь то прошеніе грѣховъ и оставленіе долговъ, которое реализуется въ усвоеніи любви ²⁾, знаетъ одну жертву любви, которая служитъ примѣромъ для спасаемыхъ и въ своемъ благѣ носить всю свою награду. Можетъ быть, ни въ одномъ другомъ пунктѣ ветхозавѣтныя слова не проходятъ такъ, какъ здѣсь, около евангельскаго ученія, такъ блѣднѣютъ предъ его новою реальностью. Это нужно сказать и о понятіи завѣта. Что послѣдняя пасхальная вечеря Христа съ учениками воспроизводитъ схему установленія древняго завѣта Іеговы съ еврейскимъ народомъ и является установленіемъ „новаго завѣта“, это стоитъ внѣ какой бы то ни было нужды въ доказательствѣ. Установленіе ветхаго завѣта состояло изъ слѣдующихъ актовъ ³⁾: принесеніе Іеговѣ жертвъ всежожженія и мирной; окропленіе половиною жертвенной крови жертвенника и другою половиною народа; вкушеніе народомъ жертвеннаго мяса. Прежде окропленія народа Моисей прочиталъ ему „книгу завѣта“, т. е. условія договора, на которыя народъ высказалъ свое согласіе. При окропленіи народа Моисей произнесъ: „вотъ кровь завѣта, который Іегова заключилъ съ вами о всѣхъ словахъ сихъ“. Это заключеніе завѣта было предварено, какъ своимъ неустрашимымъ предположеніемъ, переходомъ еврейскаго народа изъ египетскаго рабства въ рабство Іеговѣ, и выкупомъ ихъ первенцевъ кровью пасхальнаго агнца. Завѣтъ евреевъ съ Іеговой нарушался ихъ невѣрностью и снова возстановлялся, что давало идею возобновленнаго или новаго завѣта. Пророки ожидали, что въ мессіанскія времена завѣтъ бу-

¹⁾ Рим. VI, 45; 2 Кор. IV, 10; XIII, 4; Фил. III, 10. 11; Кол. II, 12; 2 Тим. II, 1 и др.

²⁾ Лук VII, 47.

³⁾ Исх. XXIV.

детъ не только возобновленъ, но и обновленъ,—изъ внѣшняго договора съ народомъ онъ станетъ интимнымъ завѣтомъ Іеговы съ человѣкомъ: законъ Его будетъ начертанъ въ сердцахъ человѣческомъ, всѣ въ народѣ будутъ знать Его, беззаконія ихъ будутъ прощены и грѣхи ихъ не вспомнутся ¹⁾. И вотъ Христосъ на тайной вечерѣ, при совершении послѣдней іудейской пасхи съ Своими учениками, устанавливаетъ „новый“ завѣтъ: здѣсь также приносится жертва и проливается кровь, символизируемая раздробленнымъ хлѣбомъ и чашей съ виномъ,—„кровь новаго завѣта“; также ученики принимаютъ участіе въ жертвенной трапезѣ—вкусываютъ раздробленный хлѣбъ и, соответственно ветхозавѣтному окропленію кровью, пьютъ изъ чаши. Намѣренное воспроизведеніе формулы ветхаго завѣта не подлежитъ спору. Отсюда открывается возможность широкаго пользования ветхозавѣтными образами, которые оказываются прообразами: кровь ветхозавѣтной жертвы замѣняется смертью Христа, Который получаетъ значеніе Агнца Божія, берущаго на Себя грѣхъ міра ²⁾. Смѣна ветхаго завѣта новымъ заслуживаетъ исключительнаго вниманія потому, что идея завѣта имѣетъ въ еврейской религіи основное значеніе: къ этой идеѣ сводятся и въ ней получаютъ свое истолкованіе понятія грѣха, жертвы, искупленія. Установленіе новаго завѣта показываетъ, что евангельская религія соприкасается съ еврейскою не въ второстепенныхъ и производныхъ понятіяхъ грѣха, жертвы и искупленія, а въ самомъ центральномъ пунктѣ, отъ котораго зависитъ направленіе всѣхъ сторонъ религіи. Если такъ, то самое главное для насъ въ вопросѣ, представляетъ ли собою евангельскій завѣтъ—возобновленный и, хотя бы даже, обновленный ветхій завѣтъ, или же евангеліе—совершенно новая религія, въ которой исходная идея завѣта по существу не находитъ примѣненія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не дается анализомъ словъ и терминовъ, экзегезисомъ оторванныхъ текстовъ,—онъ дается всѣмъ содержаніемъ евангелія, всею сущностью Христова дѣла. Это неотразимый отвѣтъ: во Христѣ все—новое ³⁾.

1) Іер. XXXI, 31—34.

2) Іоан. I, 29

3) 2 Кор. V, 17.

Новый завѣтъ, связанный и мистически и исторически съ ветхимъ завѣтомъ, не удерживаетъ ничего завѣтнаго, договорнаго, условнаго: онъ наполняется только абсолютною реальностью. Евангеліе—это не реформа, или обновленіе, ветхозавѣтной религіи, но новое религіозное творчество, новое откровеніе,—это смѣна условнаго безусловнымъ, договорнаго божественною реальностью. Съ измѣненіемъ основнаго содержанія не могли удержаться и второстепенные элементы. Въ частности, несеніе людскихъ грѣховъ и болѣзней новозавѣтнымъ Спасителемъ должно быть истолковано единственно въ смыслѣ Его реального подвига и фактическихъ результатовъ Его духовнаго дѣла, но никакъ не въ смыслѣ старыхъ договорно-юридическихъ понятій, съ которыми имѣетъ дѣло гностическая теорія искупленія. Въ евангельской системѣ не имѣетъ мѣста идея жертвеннаго искупленія грѣха. Насколько слова евангелія Матѳея *εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν* не важны и не существенны съ точки зрѣнія *формулы*, видно изъ того, что они опускаются въ евангеліяхъ Марка ¹⁾ и Луки. И даже возможно предположить, что въ повѣствованіе Матѳея объ установленіи новаго завѣта эти слова перешли не изъ ветхозавѣтно-жертвеннаго языка, а изъ пророчества Іереміи о новомъ завѣтѣ.

Ложный путь богословствованія—оцѣнивать смерть Христа въ ея отрѣшенности отъ Его духовной жизни, въ ея юридической изолированности. Она составляетъ крайнее откровеніе Его богосыновней любви къ человѣку и послѣднее обнаруженіе Его историческаго суда надъ міромъ. Ея значеніе въ томъ, что она реализуетъ дѣло Его жизни: она пресѣкла корни теократическихъ надеждъ на богоизбранничество, на внѣшнее оправданіе вѣры, она устранила Его внѣшнее посредничество въ отношеніяхъ Его учениковъ къ Отцу Небесному, она установила духовныя отношенія ихъ къ Нему, вселеніе въ ихъ сердца Его и Отца Небеснаго, съ нею началась свобода и самобытность ихъ собственной богосыновней жизни. Это значеніе смерти Христа предуказано Имъ въ Его прощальной бесѣдѣ съ учениками ²⁾. И

1) У Марка формула *εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν* встрѣчается однако въ примѣненіи къ крещенію Іоанна

2) Іоан XIV, 12 23; XVI, 23. 25. 26—28 и др

это значеніе крестной смерти Христа и это предуказаніе ея силы легко уяснятся намъ въ своей исторической правдѣ, чуждой малѣйшихъ признаковъ искусственной композиціи, если мы будемъ смотрѣть на нихъ во свѣтѣ исторической проблемы Сына человѣческаго. Тогда относящіяся сюда рѣчи Христа не покажутся намъ искусственнымъ и неискуснымъ плодомъ отвлеченной мысли, но откроютъ намъ живой религиозный вопросъ непримѣрной во всемирной исторіи глубины и силы переживанія. И такъ какъ рѣшеніе этой исторической проблемы нерасторжимо сливается съ вѣрою учениковъ и съ ихъ побѣдою надъ соблазномъ смерти Христа, то въ этомъ дана основа для неразрывности смерти Христа отъ Его воскресенія и вселенія Его духа въ сердца вѣрующихъ.

Въ воскресеніи Христа—сила Его смерти. Но это не внѣшнее оправданіе Его дѣла, не внѣшнее прославленіе. Сила воскресенія Христова не выходитъ изъ предѣловъ указанного значенія Его смерти. Поэтому предреченіе Христа о Своемъ воскресеніи и явленіи ученикамъ всецѣло базировалось на Его самосознаніи, на основномъ содержаніи Его спасительнаго дѣла. Чѣмъ бы ни представлялся фактъ воскресенія Христа при внѣшнемъ возрѣніи на него, въ ученіи Христа воскресеніе Его выступаетъ съ характеромъ духовнаго торжества Его дѣла. Онъ такъ говорилъ Своимъ ученикамъ о Своемъ посмертномъ явленіи имъ: „еще немного, и міръ уже не увидитъ Меня, вы же увидите Меня, потому что Я живу и вы будете жить. Въ тотъ день узнаете вы, что Я въ Отца Моемъ, и вы во Мнѣ, и Я въ васъ“ 1). Изъ этихъ словъ ясно видно, что Христосъ Свое посмертное явленіе ученикамъ неразрывно соединялъ съ откровеніемъ въ нихъ вѣчной духовной жизни: „вы увидите Меня, потому что будете жить Моею жизнью,—увидите Меня, потому что узнаете, что Я въ васъ“. Такъ какъ вѣчная духовная жизнь преимущественно проявляется въ любви, то и явленіе Христа ученикамъ основывается на усвоеніи ими божественной любви 2). Вотъ почему воскресеніе Христа есть Его посмертное явленіе не міру, а только ученикамъ 3). Отшествіе Его

1) Иоан XIV, 19, 20

2) Иоан XIV, 21

3) Иоан XIV, 22 23

къ Отцу влекло за собою одновременно внѣшнее Его удаленіе изъ глазъ міра и духовное явленіе ученикамъ. „Немного, и вы не увидите Меня, и еще немного, и вы увидите Меня“. „Немного“—это значитъ, что время явленій Христа ученикамъ есть послѣдовательность не внѣшнихъ событій, а внутреннихъ переживаній, слѣдованіе скорби и радости, при чемъ только скорбь разставанія измѣряется мѣрками внѣшняго событія. Подобно какъ женщина замѣчаетъ продолжительность родовыхъ мукъ, но когда родить, уже не помнитъ скорби отъ радости, поглощенная любовью; такъ и радость вѣрующихъ, въ отличіе отъ скорби внѣшняго разставанія съ Учителемъ, есть такая радость, которой никто не можетъ отнять у нихъ, которая не зависитъ отъ внѣшнихъ событій,—радость духовной жизни, радость непосредственнаго общенія съ Отцомъ Небеснымъ ¹⁾. Такія представленія о посмертномъ явленіи Христа мы находимъ не только въ евангеліи Іоанна, но и у синоптиковъ. Пришествіе Христа будетъ не таково, чтобы можно было сказать: „вотъ, здѣсь Христосъ, или тамъ“, но какъ молнія бываетъ видна всюду, однако не приурочивается ни къ какому опредѣленному мѣсту, такъ будетъ и пришествіе Сына Человѣческаго ²⁾. Это представленіе объ образѣ пришествія Христа поставлено въ евангеліи Луки въ связь съ общимъ ученіемъ о внутреннемъ характерѣ царства Божія: „не придетъ царство Божіе явно и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или тамъ. Ибо, вотъ, царствіе Божіе внутри васъ“ ³⁾.

Въ этомъ же смыслѣ нужно понимать и евангельское ученіе о Св. Духѣ. Евангельскій Св. Духъ исходитъ отъ Отца ⁴⁾. Поэтому Духъ Христовъ есть тотъ же Духъ Божій, Который, по Его словамъ, въ ветхомъ завѣтѣ говорилъ устами Давида и другихъ пророковъ, Который дѣйствовалъ во Христѣ, являясь въ силѣ Его воодушевленія и чудотвореній, особенно въ изгнаніи нечистыхъ духовъ ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе имѣются основанія называть новозавѣтное дѣйствіе Духа Божія духомъ Христовымъ, поскольку Онъ исходитъ отъ

¹⁾ Іоан. XVI, 17—27.

²⁾ Мѡ. XXIIV, 26—27; Лук XVII, 22—24

³⁾ Лук XVII, 20. 21.

⁴⁾ Іоан XIV, 16. 26; XV, 26; XVI, 7; Лук XI, 13.

⁵⁾ Мѡ. XII, 28.

Отца во имя Христа Сына Божія ¹⁾. Новозавѣтный Духъ не есть просто Духъ Божій, но это Духъ Отца Небеснаго ²⁾, или, что то же, Духъ Сына ³⁾. Это не духъ стихійной воодушевленности, но духъ богосыновней, божественно-абсолютной любви ⁴⁾. Этимъ характеромъ духа Христова объясняется то, что его дарованіе ученикамъ обусловлено смертью Христа, какъ послѣднимъ дѣломъ Его любви ⁵⁾. Смерть Христа, поскольку она послужила нарожденію въ ученикахъ духовной жизни, была вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ моментомъ перерожденія стихійнаго Духа Божія, дѣйствовавшаго въ Его чудотвореніяхъ, въ свободный духъ любви, который прославилъ Его въ Его ученикахъ, прославилъ въ нихъ Его Отца. Духъ Христовъ реализуетъ въ ученикахъ Его дѣло и въ этомъ свойствѣ своемъ замѣняетъ Его. Онъ—иной ходатай за нихъ предъ Отцомъ Небеснымъ. Самъ Христось, пока находился съ ними, былъ ихъ ходатаемъ, какъ ихъ учитель и наставникъ, хранилъ ихъ ⁶⁾. Они остались бы сырыми съ Его отшествіемъ къ Отцу, но Онъ посылаетъ имъ иного ходатая, Духа истины, въ нихъ пребывающаго ⁷⁾. Это „лучшій“ ⁸⁾ для нихъ ходатай, потому что Христось былъ для нихъ ходатаемъ внѣшнимъ, управлялъ ими Своимъ авторитетомъ, училъ ихъ внѣшними словами, притчами и образами, а Духъ Святой въ нихъ пребываетъ и даетъ имъ радость неотъемлемую. Очевидно, это пребываніе Духа Христова въ вѣрующихъ означаетъ ихъ непосредственное общеніе съ Отцомъ, свободное обладаніе божественной жизнью, самобытное переживаніе божественной любви, что дѣлаетъ ихъ друзьями Христа. Поэтому Духъ Святой есть духъ истины ⁹⁾, т. е. духовной реальности, опытнаго переживанія божественной истины. Духовное знаніе не есть знаніе отъ слышанія, отъ авторитета, но непосредственное обладаніе истиной, самоочевидное вѣдѣніе, хотя

1) Иоан. XIV, 16 26; XV, 26

2) Иоан. XIV, 16. 26.

3) Гал. IV, 6. 7; Рим. VIII, 14. 15

4) Иоан. XIV, 15 16 Ср. 1 Иоан. III, 23. 24; IV, 12. 13.

5) Иоан. XVI, 7 ср. VII, 39.

6) Иоан. XVII, 12 Ср. 1 Иоан. II, 1.

7) Иоан. XIV, 16. 17.

8) Иоан. XVI, 7.

9) Иоан. XIV, 17; XV, 26.

вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что оно не даетъ новаго содержанія, новыхъ представленій и понятій. Оно не обходится помимо слышанія,—оно замѣняетъ собою послѣднее въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ его болѣе не нужнымъ: оно дѣлаетъ слышанное своимъ, воспринятое самобытнымъ, оно уясняетъ сообщенное прежде и, съ этой стороны, оно является какъ бы всезнаніемъ, устраняющимъ нужду въ наученіи ¹⁾. Такъ со смертью Христа, которую пережили Его ученики, для нихъ стало яснымъ многое, чего они прежде не вмѣщали въ словахъ Христа: побѣдивъ соблазнъ Его смерти, они теперь дѣйствительно стали Его друзьями. Однако въ этомъ дѣйствіи Духа не трудно видѣть его родство съ дѣломъ Христа: Духъ открываетъ вѣрующимъ Его же слова, и только Его слова, напоминаетъ слышанное отъ Него, беретъ изъ Его сокровища, о Немъ свидѣтельствуетъ, Его прославляетъ ²⁾. И это родство такъ далеко простирается, что вселеніе въ учениковъ Духа есть въ то же время пришествіе къ нимъ самого Христа ³⁾: оно есть духовное общеніе Его съ ними.

На евангельское ученіе о воскресеніи Христа и посланіи вѣрующимъ Духа Святаго можно смотрѣть трансцендентно и гностически, но это не будетъ евангельская точка зрѣнія, такъ какъ это ученіе Христа, какъ и вся евангельская проповѣдь, истекаетъ изъ глубинъ Его самосознанія, Его богосыновнихъ переживаній. Это не даетъ намъ права рационализировать евангельское ученіе, считать исчерпанною тайну второго пришествія Христа. Но несомнѣнно одно, что для насъ нѣтъ иного доступа къ этой тайнѣ, какъ евангельскій богосыновній опытъ. Отъ этого, несмотря на весь туманъ, которымъ застигаетъ наши глаза догматическій гностицизмъ, мы доселѣ не можемъ читать прощальной бесѣды Христа безъ пронизывающей грусти, въ которой отражается пережитая нѣкогда скорбь Его учениковъ, понесшихъ тяжесть всемірно-религіознаго вопроса...

М. Таръевъ.

¹⁾ Иоан. XVI, 12. 13 ср 1 Иоан. II, 20 27 Ср. также IV, 7 8 12. 13.

²⁾ Иоан XIV, 26; XV, 26; XVI, 8—11 14.

³⁾ Иоан XIV, 16—18